

Кудьмура - 2001. - 9-15 абс. - 2.5

Ее глаза – как два обмана...

Федор Рокотов и Александра Струйская

В Государственной Третьяковской галерее непременно остановлюсь у портрета Александры Петровны Струйской кисти несравненного и во многом непознанного Федора Степановича Рокотова. И, быть может, этот портрет наиболее загадочный из его произведений. Изображена прелестная, обаятельная женщина, почти девочка, полная пленительного очарования. На ее лице и в глазах – печаль и гордость, хрупкая нежность и большое человеческое достоинство, смятенность души и нравственная чистота, душевная незащищенность и внутренняя гордыня. Нет, нет, не счастлива она, хотя пытается скрыть драму свою, страдания и горечь.

Свою ли только? Нет, смею утверждать, и художника, создавшего ее портрет. Он также не в силах сдерживать и боль свою, и сострадание.

Несомненно, много личного у Федора Степановича в этой картине, непривычно личного. Именно в этом, как мне кажется, заключается загадка, которая связывает какими-то нам неведомыми узлами Рокотова и Александру Петровну.

Можно ли чем-то еще подтвердить эту догадку? Да, можно. Другим рокотовским произведением – парным портретом мужа Александры Петровны – Николая Еремеевича Струйского, богатого пензенского

поднес художнику свои стихотворения с такими словами: "То Рокотов: мой друг!" Да и П.А.Вяземский в обзоре "Новые книги" в 1827 году, иронически оглядывая сочинение Струйского, снисходительно замечает о Рокотове: "Знаменитый живописец того времени и друг поэта..."

Интересные воспоминания о Струйском оставил Иван Михайлович Долгорукий, пензенский вице-губернатор. Он хорошо знал его, бывал в его имении в селе Рузаевка. Он пишет: "Стихи писались им в особом кабинете на самом верху рузаевского дома, названном "Парнасом". В этом кабинете, содержащемся в большом беспорядке, было множество разных орудий и пыль везде большая. "Пыль, – говорил Струйский, – есть мой страж, ибо по ней увижу тотчас, был ли кто у меня и что трогал". В сие святилище никто не хаживал... Меня он удостоил ласкового там приема, за который дорого заплатил один из моих товарищей, ибо, читая одно свое произведение... сильно будучи им восхищен, он (Струйский) с таким восторгом и жаром читал, что схватил внезапно моего товарища за ляжку и так плотно, что тот вздрогнул и закричал, а Струйский, не внемля ничему, продолжал чтение свое, как человек в исступлении... Все обращение его, впрочем, было дико, странно..."

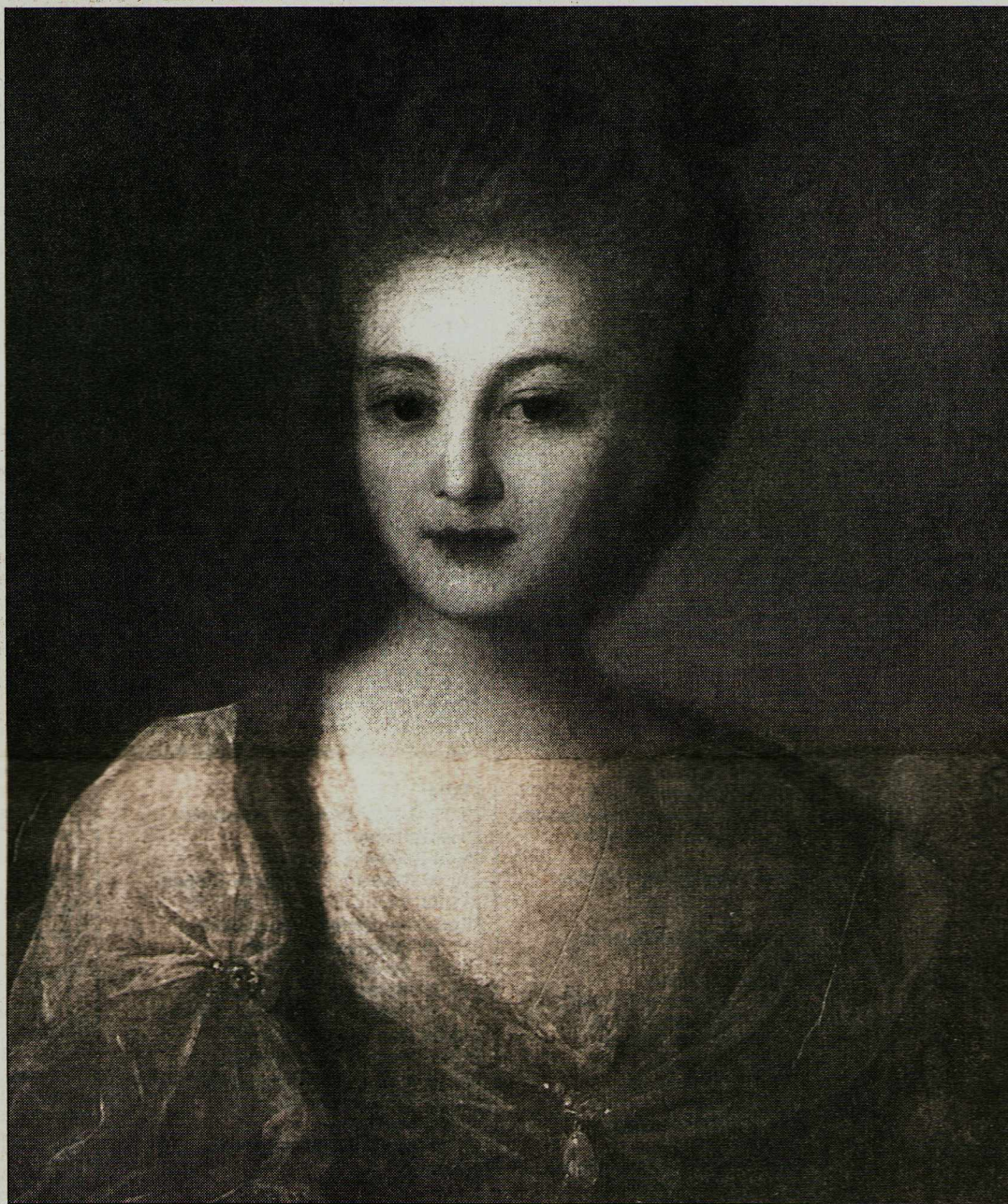
помещика, в недавнем прошлом гвардейского офицера. Исполнен портрет в том же 1772 году.

Посмотрите – худощавое неприятное лицо, иступленно-горячечные глаза на мутном фоне, безвольный рот сумасброда, эгоиста и неврастеника. Ох, как не польстил Рокотов Николаю Еремеевичу! Не похож на себя Федор Степанович, очень не похож, изменило ему неизменно ровное чувство любезной сдержанности, спокойного и доброго отношения к модели. Здесь же художник явно не смог сдержаться...

Взаимоотношения Рокотова и Струйского – одна из самых больших непонятностей в биографии живописца. Связывала их как будто дружба. Николай Еремеевич пре-

Болезненно пристрастен был к юридическим упражнениям: делал сам своим крепостным допросы, судил их, ввел самые изощренные, изувраченные пытки. Даже построил по собственному проекту тюрьму, где заключенных держали в цепях.

Федор Рокотов, "искусный мастер портретного дела", в 1770 – 80-х годах был очень знаменит. Он, бывший крепостной, окончил Императорскую академию художеств, стал академиком, был приближен ко двору, удостоился писать Екатерину II, за что был милостиво ею награжден; писал Павла I, многих из августейшей фамилии, а также представителей самых родовитых семейств – Шуваловых, Репиных, Орловых, Воронцовых, Голицыных, Гагариных,

Слева: А.Струйская. Гравюра с акварельного портрета. 1828 г.
Справа: Ф.Рокотов. "Портрет А.П.Струйской". 1772 г.

Уваровых, Бутурлиных... И вдруг исполняет портреты Струйских, пензенских помещиков, ничем себя не отличивших?!

Более того, Рокотов многие годы дружит с ними. Что могло связывать столь разных людей: недавнего крепостного Рокотова – и жестокого крепостника и самодура Струйского? Николай Еремеевич, по единодушному мнению, слыл личностью отталкивающей. Историк В.О.Ключевский характеризовал его как "отвратительнейший цвет русско-французской цивилизации" своего времени.

К тому же Струйский мнил себя великим поэтом. Он написал огромное количество сочинений, вызывавших насмешки и неодобрение современников. Ни одна типография не бралась издавать его стихи. Тогда он завел в своем имении в Рузаевке собственную типографию, одну из лучших в России.

Николай Еремеевич заказал Рокотову портрет Екатерины II. Это один из лучших ее портретов, исполненных художником. Струйский на обороте холста оставил такую надпись: "Сию совершенную штуку писала рука знаменитого художника Ф.Рокотова с того самого оригинала, который он в Петербурге списывал с императрицы. Писано ко мне от него

в Рузаевку 1786 году в декабре. Н.Струйский".

Смерть Екатерины II "так сильно поразила его воображение", что "он слег горячкой и умер..."

Державин написал такую эпитафию:

*Средь мшистого сего
и влажного столъ грота,
Пожалуй, мне скажи,
могила эта чья?
Поэт тут погребен:
по имени струя,
А по стихам – болото.*

Какова историческая несправедливость! О бездарном поэте оставили свои суждения и воспоминания многие современники – П.А.Вяземский, И.М.Долгорукий, Н.А.Огарева-Тучкова, М.А.Дмитриев, П.К.Симонин, М.Логинов... А вот о выдающемся живописце, создавшем, кстати, великолепные портреты таких писателей и поэтов, как А.П.Сумароков и В.И.Майков, С.Г.Домашнев, Б.Е.Ельчанинов, С.А.Порошин, А.И.Воронцов, библиофил, директор Эрмитажа Д.П.Бутурлин, – так вот о художнике не оставлено ни строчки!

Чем это объяснить? То ли он оказался слишком скромным и незнательным для пишущих современников своих, то ли его искусство не нашло отклика среди тогдашних литературных знаменностей. Так или ина-

че, а художника обошли вниманием тогдашние мемуаристы, к нашему величайшему сожалению.

Хотя постойте! Как это ни поразительно, но единственный человек, кто сообщил о живописце, был... Николай Струйский! Именно из его курьезных сочинений "Письмо г.Академику Рокотову" и "На смерть верного моего Зяблова" мы узнаем, что Федор Степанович писал "почти играя", то есть легко и свободно, что он умел "проникнуть во внутренность души!" (это – о портрете Сумарокова), что художник сильно горевал о кончине Зяблова, крепостного Струйского, ученика Рокотова.

Не предполагали наверняка критики опусов Струйского, что они получат признательность (не признание, нет!, но признательность) у исследователей творчества Рокотова много лет спустя, что некогда презираемые стихи будут внимательно изучаться и даже неоднократно упоминаются и цитируются.

Но вернемся к столь странному вниманию Рокотова к Струйскому. Как это понимать? А не подсказал ли причины, казалось, противостественной склонности сам Федор Степанович кистью своей – в портретах Александры Петровны и мужа ее? В них художник, по-моему, ясно определил свое отношение к ним.

Гадливость и еле скрытый гнев к одному, а к другой – нежность, трепетное обожание "горести и мученья несчастливой любви". Вот в этом, может быть, скрыта тайна упрямой привязанности Федора Степановича к дому Струйских.

Николай Еремеевич не слыл ревнивым. За иными, маниакальными занятиями, которые заполняли его жизнь, он порой начисто забывал о молодой жене. Да и относился к ней прескверно, как к крепостной девке. Говорят, что он даже как-то по пьянке проиграл Александру Петровну в карты соседнему помещику...

Художник, несомненно, знал эту историю. Наверное, и еще кое-что подобное. Память печальную свою, муки душевные, потаенные сохранил в живописи. И эту сердечную тайну открыл двести лет спустя не искусствовед, не исследователь творчества художника, а поэт Николай Заболоцкий. Именно он понял какой-то душевной интуицией, душевным чутьем. Оставил знаменитые строки:

*Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.
Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?
Ее глаза – как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза – как два обмана,
Покрытых мглою неудач.
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуйсуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.
Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.*

Заболоцкий даром своим поэтическим ощутил и "два обмана", и "полувосторг, полуйсуг", и "соединенье двух загадок". Именно ощутил, ибо он, конечно, не знал, кто была Струйская, какими были взаимоотношения в этой семье, – и так верно угадал!

В 1772 году, когда Рокотов пишет портреты Струйских, Федору Степановичу исполнилось 40 лет. Он не был женат. Холостяком остался на всю жизнь. Александре Петровне, второй жене Струйского, было тогда 18. Два года как замужем. Пережила Николая Еремеевича на 44 года. Вырастила много детей и внуков (кстати, один из ее внуков – известный поэт Александр Полежаев).

Современники в один голос отмечали, что Александра Петровна была личностью необыкновенной, полной противоположностью своему мужу. Все, кому пришлось с ней встречаться, были ею очарованы. Тверда была, доброжелательна и к людям относилась с большим вниманием. Разборчива была в знакомствах, верна истинным друзьям. Даже Наталья Огарева-Тучкова, жена А.И.Герцена, враждебно настроенная к семейству Струйских, отмечала ее ум, доброту и "любезные манеры".

В одном из номеров журнала "Русская старина" нашел я акварельный портрет Александры Петровны, исполненный в 1828 году. Ей 74 года. Но по-прежнему привлекают на умном, сосредоточенном лице ее прекрасные глаза, в глубине которых видятся мне рокотовские "обманы", покрытые мглою неудач. А в уголках губ угадываются "полуулыбка, полуплач".

Евграф КОНЧИН